

Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. р-1204. Екатеринбургская следственная комиссия Революционного трибунала Екатеринбургского Совета рабочих и солдатских депутатов. (1917–1918 г.).

ГАСО. Ф. р-62. Екатеринбургский Совет рабочих и солдатских депутатов.

ГАСО. Ф. р-2601. Коллекция документов по истории рабочего и революционного движения и установления Советской власти на Урале.

Известия ВЦИК. 1919.

Известия Уральского областного Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов и Екатеринбургского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1918.

Наш путь (Екатеринбург). 1918.

Партия левых социалистов-революционеров : док. и материалы. 1917–1925. В 3-х тт. Т. 1. Июль 1917 г. – май 1918 г. М. : РОССПЭН, 2000.

УДК 94(470.55).084.6:323.28

Р. Ш. Хакимов

ТЕХНОЛОГИЯ РАСКРУЧИВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ В СССР В НИЗОВОМ ЗВЕНЕ УПРАВЛЕНИЯ (ст. КРОПАЧЕВО, 1937 г.)

В статье исследована технология раскручивания политических репрессий 1937 г. на примере железнодорожной станции Кропачево. Выявлены механизм организации репрессий, его особенности. Отмечена последовательность и организованный характер, а также тесное взаимодействие партийных органов и органов НКВД в выполнении указаний центра. Все это показано на конкретных примерах, на судьбах отдельных людей.

Ключевые слова: политические репрессии, сталинизм, ЮУЖД, московские процессы, ст. Кропачево, ВКП (б), первичные парторганизации, партсобрание, НКВД.

Тема политических репрессий 1930-х гг. в СССР сохраняет свою актуальность и продолжает привлекать внимание исследователей. Историографическое освоение этого массива началось в 1990-х гг. и продолжается по настоящее время. Как отмечено исследователями, библиография литературы о советском обществе и о проблеме репрессий насчитывает тысячи наименований [см.: Кириллов, с. 243].

Обстановку периода «Большого террора» необходимо рассматривать с разных точек зрения и с разных позиций. И в этом плане представляет интерес исследование реакции на происходившие в стране события на примере низовой структуры – трудового коллектива предприятия, первичной партийной организации в контексте действовавшей тогда технологии раскручивания политических репрессий. До сего времени эта тема остается во многом неизучен-

ной. Нами проведено исследование событий 1937 г. на примере узловой станции Кропачево Южно-Уральской железной дороги (ЮУЖД). Станция была первого класса, имела большой грузо- и пассажирооборот, она была стыковой с Куйбышевской железной дорогой и потому имела исключительно важное значение. Здесь находились паровозное и вагонное депо, вагоноремонтный пункт, строительный участок, всего работало на станции более 400 человек. Парторганизация станции насчитывала 35 членов и кандидатов в члены ВКП (б).

После рассылки закрытого письма ЦК ВКП (б) от 29 июля 1936 г. «О террористической деятельности троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока» и проведения в августе 1936 г. открытого судебного процесса по делу «Объединенного троцкистско-зиновьевского центра» в печати развернулась широкая кампания против бывших троцкистов и зиновьевцев, которых обвиняли во враждебной деятельности и именовали «троцкистско-зиновьевской бандой». Именно в 1937–1938 гг., политический террор достиг своего пика – большинство обвиняемых в то время приговаривали к высшей мере наказания через расстрел или к десяти годам заключения в ИТЛ (исправительно-трудовой лагерь) без права переписки, что чаще всего также означало смертный приговор. В начале 1937 г. началась серия государственно-репрессивных кампаний, впоследствии получившая название «большой террор».

С 23 по 30 января 1937 г. в Москве проходил второй процесс, известный как процесс «Параллельного антисоветского троцкистского центра». Он был открытым и широко освещался в печати. Среди обвиняемых на процессе в качестве члена троцкистской группы был и бывший начальник ЮУЖД И. А. Князев. До ареста Князев работал заместителем начальника Центрального управления движения наркомата путей сообщения СССР. Он был расстрелян 1 февраля 1938 г. в числе 13 человек, среди которых были Г. Пятаков, Л. Серебряков, К. Радек, Г. Сокольников. Проект обвинительного заключения был утвержден лично Сталиным [см.: Лубянка, с. 9–19]. Присутствие Князева в группе обвиняемых можно объяснить тем, что вскоре после увольнения с должности начальника ЮУЖД (которую он занимал со 2 марта 1934 г. по 5 октября 1936 г.), 27 октября 1935 г. на станции Шумиха произошло крушение воинского эшелона, в котором погибло 29 красноармейцев. Этот случай придавал деятельности троцкистской группы прямой диверсионно-террористический характер. О крушении упоминал И. Сталин в беседе 8 января 1937 г. с немецким писателем Л. Фейхтвангером, написавшим впоследствии книгу «Москва 1937» [Фейхтвангер].

Когда в Москве шел политический процесс, по указанию вышестоящих парторганов, 26 января 1937 г. на станции Кропачево, как и во всех парторганизациях страны, прошло закрытое партийное собрание с повесткой «О контрреволюционном троцкистском параллельном центре». С докладом выступил начальник политотдела Златоустовского отделения Попов. Как следует из протокола собрания, он «остановился на содержании обвинительного заключения и показаниях подсудимых, особенно подробно ... на контрреволюционной деятельности троцкиста и японского шпиона Князева, бывшего начальника ЮУЖД. Дальнейшая задача партийной организации Кропачево является: выявить корни вредительства, усилить бдительность по отношению к бывшим членам партии, к железнодорожникам на КВЖД, к китайцам, полякам... Каждый случай неполадок на железнодорожном транспорте должен быть глубоко разобран» (орфография документа сохранена. – *Р. Х.*) [ОГАЧО, ф. П-160, оп. 1, д. 49, л. 5 об.]. Здесь определены все актуальные направления деятельности парторганизации: выявление вредительства и усиление бдительности, насаждение всеобщей подозрительности и абсолютное недоверие практически ко всем (к китайцам, полякам, к бывшим коммунистам, бывшим работникам КВЖД и т. д.).

В выступлениях участники собрания клеймили подсудимых московского процесса. Член ВКП (б) Аксенов: «Подлые враги хотели через кровь рабочих пробраться к власти. Самые гнусные действия проводил мерзавец Князев, разрушая обороноспособность страны. Наше требование – расстрелять бандитов» [Там же, л. 8 об.].

На собрании звучали призывы продолжать расследование. Выступает коммунист К. И. Стемковский: «Гавришко связан родственно с Князевым, а поэтому он соучастник вредительства. От Кагановича был наказ, глубоко изучать каждый случай неполадок» [Там же, л. 6].

Коммунист А. И. Злыгостев: «О процессе нельзя говорить спокойно, такие гады вроде Князева управляли на отдельных участках хозяйства... В Кропачево нет угля, начали расходовать мобилизационный запас... на станции нет продуктов» [Там же, л. 6 об., 7]. Член ВКП (б) Купцов: «Отчего и почему сломались шестерни у крана Догадкина, пока еще неизвестно, но факт налицо, что подача угля на паровоз у нас ухудшилась, нет ли здесь вредительской руки?» [Там же, л. 13]. В выступлениях выстраивалась прямая связь между деятельностью враждебных элементов и недостатками в хозяйственной деятельности; их наличие объясняли происками врагов, при этом часто сводились и личные счеты.

Коммунист Рынкевич: «Начальника ВРП (вагоноремонтный пункт. – *Р. Х.*) Баландина надо проверить, мне кажутся его действия

вредительскими, принимает людей в ВРП, которых увольняли за вредительство... Баландин снял меня неправильно» [Там же, л. 7]. Член ВКП (б) Никифоров: «Очень ясно обрисовал т. Попов деятельность троцкистского центра, а отсюда вывод, отсутствие запасных частей, прием на работу аварийщиков и т. д.» [Там же, л. 8 об.].

На собрании назывались фамилии тех, кто подозревался во враждебной и вредительской деятельности. Секретарь парткома Уваев заявил: «Есть у нас Казяк, Пестряк, за которыми надо следить» [Там же, л. 9, 9 об.]; член ВКП (б) Денисов: «...Чунтанов белогвардеец... выявлено, что Князев в своей работе опирался на начальника станции, а отсюда надо за Чунтановым проследить»; член ВКП (б) Казаков: «Начальник ВРП Баландин не уделяет внимания работе смен..., корни Князева у нас есть, много вновь принятых, которых надо проверить... надо проверять диспетчеров, нет ли там таких негодяев как Князев (часто отправляют паровозы резервом)... надо обратить внимание на Сабурова Николая» [Там же, л. 7 об.].

Обвинения распространялись и за пределы ЮУЖД. Член ВКП (б) Аксенов: «Самохвалов при помощи Князева перебрался на другую дорогу (Воронежскую), ... начальник станции Устинов, находящийся в Деме, родственник Князева». Член ВКП (б) Купцов: «Уфимские паровозы прибывают почти все с большим ремонтом, за последние пять дней таких паровозов прибыло 54. Надо немедленно расследовать работу депо Уфа, нет ли там вредительства» [Там же, л. 9, 14].

В сферу обвинений втягивался все больший круг людей. Коммунист Ермолин: «Надо немедленно проверить, что это за защитник (адвокат. – *Р. Х.*) из Аши который на суде по алиментам, начал защищать перед народом снятого и выгнанного с дороги Фролова» [Там же, л. 13]. Коммунист А. И. Злыгостев: «Неизвестная личность парикмахера (парикмахерская на станции. – *Р. Х.*), хвалит жизнь до революции, а теперь только очереди, аварии. Парикмахер рассказывает анекдоты антисоветские» [Там же, л. 7, 9].

Дела на станции Кропачево шли не самым лучшим образом, об этом тоже говорили на собрании: «...станция из месяца в месяц не выходит из прорыва, составов много, а паровозы отправляют резервом, состояние стрелочного хозяйства безобразное, болтов не дают, крестовины изношенные»; «стрелки № 2145 в течение трех месяцев не ремонтировались» [Там же, л. 9, 10]. Объективным хозяйственным недостатком и возникающим неполадкам сразу же придавался характер вредительства. Хотя при детальном разборе часто причиной аварии были элементарная бесхозяйственность и недостаток профессионального опыта. Так, в случае с аварией крана Догадкина выяснилось, что не было смазки и кран обслуживал человек, работавший всего два дня

[Там же, л. 18 об]. Отметим, что в крушении воинского эшелона на станции Шумиха 27 октября 1935 г. была виновна ученица-стрелочница, проработавшая лишь две недели, она неправильно перевела стрелку, однако виновница не понесла никакого наказания [см.: Хименкова].

В 1930-е гг. в стране на железнодорожном транспорте крушения и аварии происходили очень часто. Так, в 1934 г. в сети железных дорог СССР произошло 61 142 аварии и крушения. По данным П. Я. Горденко, основными причинами происшествий на железной дороге были упущения эксплуатационного персонала (67,8 %) и неисправности подвижного состава и пути (29,6 %) [см.: Показатели безопасности].

Плохим было состояние подвижного состава и путевого хозяйства. В справке отдела железнодорожного транспорта Госплана СССР от 21 декабря 1937 г. было отмечено отставание капитального ремонта по линии Челябинск – Кропачево [Железнодорожный транспорт, с. 293]. Доказательством несостоятельности и фабрикованности дел о вредительстве служит и то, что по всем приведенным в нашем исследовании архивно-следственным делам все осужденные во второй половине 1950-х гг. были реабилитированы.

Упомянутое партийное собрание на ст. Кропачево единогласно приняло решение, в котором полностью солидаризировалось с обвинительным заключением, поддержало его и потребовало расстрела «бандитов фашизма». Своей основной задачей собрание поставило выкорчевывание корней «князевщины и контрреволюционных остатков»; оно поручило парткому проанализировать все выступления и принять соответствующее решение. Также было принято решение разъяснить материалы процесса рабочим станции.

После партсобрания была развернута разъяснительно-пропагандистская работа среди рабочих станции. Во всех службах станции Кропачево прошли митинги, собрания, коллективные читки газет и прослушивание радио [Призыв, 27 янв.]. Члены ВКП (б) проводили разъяснительную работу в трудовом коллективе. Так, партийное собрание парторганизации службы движения 20 февраля было открытым с участием 35 беспартийных [ОГАЧО, ф. П-160, оп. 1, д. 49, л. 34].

Происходило сильнейшее нагнетание обстановки подозрительности. Никто не мог остаться вне подозрения, следовали взаимные обвинения: часто по принципу «кто первый сумеет доложить о вредительстве». На собрании 20 февраля коммунист Чунтанов заявил: «Парторгу тов. Уваеву надо немедленно ехать в политотдел и доложить о всех фактах вредительства, преступной халатности имеющихся в Кропачево» [Там же, л. 22].

Коммунист Шафеев заявил: «Треугольник на ст. Кропачево построен вредительски»; коммунист Шарин: «строительный участок все

строительство строил по вредительским планам-проектам» [Там же, л. 17–26]. Для усиления обстановки подозрительности и доказательства засилья врагов народа использовались все поводы. На партсобрании 20 февраля среди прочих обсуждали вопрос «Доклад парторга Уваева о жизни и деятельности тов. Серго Орджоникидзе, умершего от паралича сердца 18 февраля 1937 г.». В докладе основное внимание было уделено тому, как С. Орджоникидзе боролся с врагами народа и партии [Там же, л. 22].

В стране нагнетание ситуации шло по нарастающей. С 23 февраля по 5 марта 1937 г. в Москве проходил Пленум ЦК ВКП (б), на котором выступил нарком путей сообщений Л. М. Каганович. Он заявил: «в результате того, что японско-немецко-троцкистские агенты не были разоблачены до конца, в результате того, что они продолжали свою вредительскую работу в подполье, коммунисты-железнодорожники не добились решающих успехов в борьбе с крушениями и авариями» [Речь]. Выступление Кагановича еще более подхлестнуло поиск вражеских и вредительских элементов на транспорте.

1 апреля 1937 г. прошло очередное закрытое партийное собрание на ст. Кропачево с повесткой «Доклад тов. Сталина на Пленуме ЦК ВКП (б) от 3 марта 1937 г. “О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистов и иных двурушников”». Выступающие подвергли беспощадной критике вражеские элементы как в партии, так и в стране. Партийное собрание в принятом решении полностью одобрило доклад Сталина и предложило «удесятерить работу по выявлению троцкистов и иных двурушников» [ОГАЧО, ф. П-160, оп. 1, д. 49, л. 34].

К организации репрессий напрямую имели отношение две властные структуры: партийные комитеты вместе с политотделами и органы НКВД. При этом строго соблюдалась иерархия управленческих решений: от Генерального секретаря ЦК ВКП (б) до первичной парторганизации, от НКВД до райотдела. Функция идеологического обеспечения возлагалась на печать и радио, в то время они заполняли практически все информационное пространство страны. Полностью подчиненные партийным комитетам, фактически являясь рупором партийно-государственной власти, печать и радио в наименьшей степени выполняли информационную функцию, главное внимание уделяя пропаганде. Во всех газетах, в том числе в отраслевой газете «Гудок» (орган наркомата путей сообщения СССР и ЦК профсоюза железнодорожников) и в газете «Призыв» (орган Управления и политотдела ЮУЖД) в течение всего времени, пока шел московский процесс, из номера в номер публиковались целые полосы с его материалами [Призыв, 24 янв., 28 янв., 29 янв., 30 янв.]. Газетные материалы

становились предметом обсуждения на партийных и рабочих собраниях. Так, 10 февраля на закрытом партийном собрании ст. Кропачево обсуждалась передовая статья газеты «Правда» от 1 февраля 1937 г. «Цели и методы лютых врагов народа – троцкистов». Публикации газет придавали новый импульс разоблачительной кампании. По итогам обсуждения статьи собрание приняло решение – парткому проверить состав рабочих на угольном складе, на коммерческой передаче, на водокачке с целью удаления вредительских руководителей и воров с железнодорожного транспорта. Также было предложено передовую статью газеты «Правда» обсудить с пропагандистами и в партшколах [ОГАЧО, ф. П-160, оп. 1, д. 49, л. 15].

Характерными были заголовки передовиц: «Выкорчевать жуликов и врагов из грузовой службы» [Гудок, 24 авг.], «Уничтожить троцкистско-фашистских хищников», «Враги в грузовой службе», «Железнодорожники клеймят подлых изменников Родины». «Раздавить троцкистскую гадину», «Стереть с лица земли наемных псов фашизма» и т. д. [Призыв, 21 янв., 22 янв., 29 янв.]. В заметках в газете «Призыв» приводились фамилии людей, деятельность которых, по мнению авторов, была враждебной: это начальник ВРП Баландин (автор заметки – слесарь Кучин) [Призыв, 26 апр.]; дежурный по станции Лобанов – заметка под названием «Церемонятся с мерзавцем», подписана псевдонимом «Наблюдающий» [Призыв, 6 февр.]. Фактически газета способствовала развертыванию массового публичного доносительства.

Все эти публикации носили мобилизующий характер и предполагали активные ответные действия со стороны тех, к кому были обращены.

После проведенной идеологической работы по обоснованию репрессий последовало расширение их масштаба. Сигналы о «вражеских» элементах были оперативно приняты органами НКВД, а затем последовали аресты тех, кто попал под подозрение. Согласованность действий парторганов и органов НКВД подтверждается совпадением круга подозреваемых и арестованных лиц, и тех участков, которые сначала посчитала «вредительскими» партия и где затем конкретные меры «по разоблачению» принимал НКВД (ВРП, стройучасток, крановое хозяйство). 23 августа 1937 г. был арестован В. И. Пожога, 1910 г. р., место рождения – Польша, Вильнянская губ., д. Булухи, белорус, беспартийный, малограмотный, из рабочих, проживал в Челябинской обл., ЮУЖД ж. д. ст. Кропачево, работал на станции парикмахером. 21 ноября 1937 г. он был осужден по ст. 58-6 УК РСФСР (контрреволюционные преступления; противодействие нормальной деятельности государственных учреждений и предприятий или соот-

ветствующее использование их для разрушения и подрыва государственной промышленности, торговли и транспорта и т. д.) и 4 декабря того же года расстрелян [ОГАЧО, ф. Р-467, оп. 4, д. 9018].

30 сентября 1937 г. был арестован П. Т. Стоянов, 1890 г. р., беспартийный, строительный мастер десятого участка третьего прорабского участка. 4 ноября он был приговорен к 10 годам заключения в исправительно-трудовом лагере (ИТЛ).

9 декабря 1937 г. был арестован А. П. Сулимов, 1912 г. р., русский, беспартийный, образование – начальное, из крестьян (кулаков), проживал на ст. Кропачево, работал машинистом грейферного крана на угольном складе. 3 февраля 1938 г. по приговору «тройки» управления НКВД СССР по Челябинской области по ст. 58-10; 58-11 УК РСФСР он был приговорен к расстрелу, а 18 февраля 1938 г. приговор был приведен в исполнение [ОГАЧО, ф. Р-467, оп. 3, д. 4161].

17 января 1938 г. были арестованы заведующий товарным двором станции Кропачево П. В. Пестряк и заведующий учетным бюро станции П. Л. Казяк, по национальности оба поляки. 5 марта того же года они были осуждены, а 26 марта – расстреляны [ОГАЧО, ф. Р-467, оп. 4, д. 8540, 650].

21 января 1938 г. был арестован начальник ВРП А. Х. Баландин, 1907 г. р., член ВЛКСМ, образование высшее, из рабочих. 27 июля 1938 г. он был приговорен Военной коллегией Верховного Суда СССР по ст. 58-7; 58-8 и 58-11 УК РСФСР к 15 годам заключения в ИТЛ [ОГАЧО, ф. Р-467, оп. 3, д. 2086].

Аресты на станции шли почти каждый день. 22 января 1938 г. был арестован сцепщик вагонов П. Е. Трошин, 1910 г. р., русский, беспартийный, образование – начальное. 22 февраля 1938 г. Линейным судом ЮУЖД по ст. 58-7 и 58-11 УК РСФСР приговорен к 15 годам заключения в ИТЛ [ОГАЧО, ф. Р-467, оп. 3, д. 4590].

Еще ранее, 30 декабря 1936 г. был арестован «родственно связанный с Князевым» начальник вагонного участка С. С. Гавришко. 25 июля 1937 г. он был приговорен к десяти годам заключения в ИТЛ [ОГАЧО, ф. Р-467, оп. 3, д. 5678].

Маховик репрессий втягивал в себя не только обвиненных на партсобраниях работников – от парикмахера до начальника железной дороги, но и самих обвинителей. К. И. Стемковский (Стемиковский), 1893 г. р., член ВКП (б), уже после перевода из Кропачево на станцию Троицк, где он работал помощником начальника депо, 15 сентября 1937 г. был арестован и 16 ноября расстрелян. С должности начальника Златоустовского политотдела был снят Попов, а пришедший ему на смену С. И. Богачев 21 января 1938 г. был арестован, а 4 апреля расстрелян [ОГАЧО, ф. Р-467, оп. 3, д. 3344].

Иногда машина репрессий давала сбой. Так, 21 апреля 1938 г. был арестован помощник машиниста депо ст. Кропачево Н. А. Иванов, а 25 июня того же года – машинист Н. К. Купцов. Оба они обвинялись по ст. 58-7, 58-8, 58-10 и 58-11 УК РСФСР. Но на ЮУЖД, как и на других железных дорогах страны, по причине массовых арестов складывалось такое положение, что невозможно было уже скомплектовать паровозные бригады; машинисты, несмотря на высокий уровень зарплаты (а она в некоторых случаях была даже выше, чем у начальника станции), всяческими путями отказывались выходить на работу. Поэтому дела в отношении арестованных Иванова и Купцова были прекращены и после полугодового заключения они были освобождены [ОГАЧО, ф. Р-467, оп. 3, д. 6801; оп. 4, д. 79]. Также в июне 1938 г. был арестован старший агент обменного пункта М. К. Ушаков, 1899 г. р., русский, беспартийный, образование начальное, из крестьян. 3 июля 1938 г. суд прекратил дело, и Ушаков был также освобожден из-под стражи [ОГАЧО, ф. Р-467, оп. 3, д. 4538].

Наблюдалась большая сменяемость кадров. Так, начальник станции В. А. Чунтанов (фигурировавший в обвинении как «белогвардеец»), 1898 г. р., образование высшее, проработал на своей должности с 1934 по январь 1938 г. А за период с 1 января 1938 г. по 4 апреля 1941 г. на должности начальника станции Кропачево побывало 4 человека [Фонд истории ЮУЖД].

Из нашего анализа можно сделать вывод, что в 1930-е гг. в СССР сложилась целостная система и четко отработанный механизм политических репрессий. Он характеризовался разделением функций между вертикальными и горизонтальными уровнями системы власти и управления, вовлеченностью в проведение репрессий практически всех государственных и общественных структур (госорганы, общественные организации, трудовые коллективы), высокой степенью управляемости со стороны высшего партийно-государственного руководства: в начале 1937 г. репрессии были быстро развернуты, а в 1939 г. частично свернуты. Следует отметить способность низовых организаций оперативно выполнять указания сверху. Буквально в течение нескольких дней после Пленума ЦК и получения партийного циркуляра на ст. Кропачево были проведены партийные и рабочие собрания. Каждая часть механизма выполняла свои задачи. Задачу идеологического обеспечения выполняли газеты и радио – самые массовые и доступные средства информации того времени. Следует также отметить тесную связь и согласованность действий партийных и силовых органов (НКВД).

Гудок. 1937.

Железнодорожный транспорт в годы индустриализации СССР (1926–1941). М. : Транспорт. 1970.

Кириллов В. М. Историография и методология изучения проблемы истории политических репрессий в СССР // Ежегодник Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев (МАИИКРН). 2016. № 2. С. 234–253.

Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина : документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. М. : МФД. 2004. С. 9–19.

Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. П-160. Первичная организация КПСС станции Кропачево ЮУЖД; р. п. Кропачево Ашинского района Челябинской области.

ОГАЧО. Ф. Р-467. Управление Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР по Челябинской области; г. Челябинск Челябинской области (1934–...).

Показатели безопасности движения поездов в году первых пятилеток [Электронный ресурс] // 1520mm.ru. О железных дорогах России и Советского Союза. URL: <http://www.1520mm.ru/catastrophe/safety1930.phtml> (дата обращения: 10.07.2019).

Призыв. 1937.

Речь Л. М. Кагановича 28 февраля 1937 года // Вопросы истории. 1993. № 9. С. 3–32.

Фейхтвангер Л. Москва 1937. М. : Худож. лит., 1937.

Хименкова Н. Крушение воинского поезда в Шумихе: кто перевел стрелки [Электронный ресурс] // Наша Шумиха. URL: http://nasha-shumiha.ru/news/krushenie_voinskogo_poezda_v_shumikhe_kto_perevel_strelku/2014-06-30-8071/ (дата обращения: 10.07.2019).

Фонд истории ЮУЖД // Южно-Уральский Центр научно-технической информации и библиотек. Подразделение по сохранению исторического наследия.

УДК 94(47).084.8:365

М. А. Клинова

ЖИЛИЩНАЯ ПОЛИТИКА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1940-х гг.: ЖИЛЬЕ В ЛИЧНУЮ СОБСТВЕННОСТЬ

В статье предпринят анализ жилищной политики второй половины 1940-х гг., реализуемой в сфере индивидуального жилищного фонда горожан. Обозначены основные направления ее реализации: покупка горожанами индивидуального жилья у предприятий, индивидуальное жилищное строительство. Выявлено, что приобретение жилья в личную собственность (покупка, строительство) было сопряжено со сложностями кредитования. Правила предоставления кредитов были ужесточены осенью 1948 г.